

УДК 327.1

Е.Ю. БАШКУЕВА

ББК 63.3(2)531

**ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ
В ОТНОШЕНИИ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.
(на примере Восточной Сибири и русского Дальнего Востока)**

Анализируется официальная политика российских властей в отношении китайских мигрантов в дореволюционный период. Выявлен ее противоречивый, субъективный и непоследовательный характер.

Ключевые слова: китайские мигранты, российские власти, генерал-губернатор, Забайкальская область, Приамурье, Дальний Восток.

E. YU. BASHKUEVA

**OFFICIAL POLICY OF THE RUSSIAN AUTHORITIES
IN THE SECOND HALF
OF XIX — THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES
(on the example of Eastern Siberia and the russian Far East)**

The official policy of the Russian authorities concerning the Chinese migrants during the pre-revolutionary period is analyzed. Its inconsistent, subjective and inconsistent character is revealed.

Keywords: Chinese migrants, Russian authorities, governor-general, Transbaikal area, Priamurye, Far East.

Одним из важнейших факторов развития России на современном этапе является китайская миграция. Уже сегодня можно констатировать, что китайская миграция в Россию создала сложный комплекс проблем социального и экономического характера, требующих принятия адекватной законодательной базы, продуманных действий властей на федеральном и региональном уровнях. Эти проблемы, однако, не новы для нашего государства. Во второй половине XIX в. Восточная Сибирь и русский Дальний Восток стали основными регионами-реципиентами китайских мигрантов, которые составляли одну из самых многочисленных групп иностранных подданных в Российской империи.

В дореволюционной истории китайской миграции особого внимания заслуживает эволюция официальной политики российских властей в отношении выходцев из Поднебесной. Следует отметить, что отношение российских властей к китайским мигрантам не было однозначным ни на общеимперском, ни на региональном уровне. Оно менялось в зависимости от внутренней социально-экономической и политической обстановки, а также международного положения, которое на протяжении всего рассматриваемого периода не отличалось стабильностью.

Политика российских властей в отношении китайских мигрантов в Российской империи напрямую зависела от позиции высших региональных чиновников, которые зачастую имели субъективный взгляд на присутствие данного контингента в возглавляемом ими регионе и этот взгляд, в конечном счете, имел решающее значение при принятии ответственных решений по «китайской проблеме». Поэтому первоначально необходимо дать краткие характеристики этим взглядам.

Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков (1861–1877 гг.) не одобрял присутствия китайцев на всей вверенной ему территории, в состав которой тогда входили русские дальневосточные окраины. Он решительно боролся против эксплуатации китайцами туземного населения Приамурья, а также препятствовал развитию религиозно-культурных контактов между жителями генерал-губернаторства и Китая [8, с. 56].

С самого раннего этапа китайской миграции российские власти стремились оградить местное население от конкуренции с китайским трудом и занять, таким образом, протекционистскую позицию. Высшие региональные российские чиновники рано пришли к пониманию того, что для контроля и сдерживания китайской миграции необходима была полноценная правовая база. Однако в ходе ее создания российская бюрократия практически сразу столкнулась со сложностями в выработке законодательной базы для регулирования положения китайских подданных в Российской империи. Не хватало элементарных эмпирических знаний, не говоря уже о грамотных специалистах, способных создать масштабную и долгосрочную стратегическую программу в отношении китайской миграции. Поэтому российские власти внимательно изучали опыт других государств, столкнувшихся с наплывом переселенцев из Китая. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин в апреле 1882 г. обращался к министру иностранных дел Н.К. Гирсу с просьбой выслать ему текст принятого палатой представителей конгресса США билля о запрещении переселения китайцев в течение 10 лет, мотивируя это тем, что ознакомление с этими данными может привести немалую пользу и у нас ввиду увеличения переселения китайцев в наши пределы [6, с. 117]. Одного этого факта достаточно, чтобы сделать вывод о крайне неодобрительном отношении преемника Корсакова к китайским мигрантам.

Большие полномочия в принятии решений по «китайскому вопросу» имел Приамурский генерал-губернатор. Образование Приамурского генерал-губернаторства и вступление в эту должность А.Н. Корфа — важный (возможно, даже переломный) момент в определении статуса подданных Китая и Кореи и упорядочения их пребывания на российской территории. В годы его правления был принят ряд законов и проведены мероприятия, направленные на решение этих вопросов [7, с. 53].

А.Н. Корф, понимая важность проблем, связанных с присутствием китайцев в регионе, вынес их на обсуждение I Хабаровского съезда

сведущих людей. Подводя итог высказываниям предпринимателей, чиновников, журналистов, выступавших на съезде, он отметил: «Китайцы, безусловно, признаются для края вредными в политическом и отчасти экономическом отношении. Их можно лишь терпеть как неизбежное зло». Эти слова наглядно иллюстрируют, что равнодушное, снисходительное отношение власти к китайцам сменилось негативным, но с пониманием необходимости использования их в экономике региона [7, с. 53].

Юридический статус китайских мигрантов изменился в результате введения билетной системы. Фактически в 1880-е гг. сделана попытка выработать последовательную линию поведения и положено начало проведению практических мероприятий по упорядочению пребывания китайского населения на российской территории. Именно первый приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф выступал за жесткий контроль над пребыванием и деятельностью китайцев в Приамурском генерал-губернаторстве и настаивал на их строгом подчинении российским порядкам. В частности, являясь сторонником экономического протекционизма, он выступал за то, чтобы китайские купцы, выбирающие гильдейские свидетельства, дополнительно облагались торговыми пошлинами [11, с. 166]. Водворение и размножение китайских купцов в крае Корф считал крайне нежелательным явлением, грозящим большой опасностью.

В отличие от Корфа, сменивший его генерал-лейтенант С.М. Духовской (1883–1898 гг.), а также его преемник Н.И. Гродеков (1898–1902 гг.) занимали достаточно либеральную позицию по проблеме китайской миграции, видя в ней и отрицательные, и положительные стороны. Об этом можно судить на основании отчетов, ежегодно составляемых генерал-губернаторами, в которых имеются сведения и рассуждения о китайском присутствии в регионе. Так, Духовской, не подвергая сомнению тезис о том, что «в русском крае должно преобладать русское население», все же полагал, что даже при интенсивном переселении русских на Дальний Восток в крае еще долго будет ощущаться недостаток в рабочих, техниках, предпринимателях, капиталистах. В своем отчете он писал: «Поэтому нельзя совершенно пренебречь тою помощью, которую могут оказать нам в этом случае добровольно являющиеся иногда иностранцы своим трудом, знаниями и капиталом. Но дабы не колебать принципа «Россия для русских» необходимо прилив к нам иностранцев подчинить строгому контролю» [2, с. 105].

О китайских мигрантах Духовской отзывался следующим образом: «Нельзя, конечно, отрицать того, что с китайскими рабочими и торговцами конкурировать трудно. Китаец хоть и работает медленнее русского, но благодаря своей выдержке и нетребовательности часто имеет перевес над ним. Вследствие ограниченности потребностей китайского рабочего содержание его обходится на 30 % дешевле, чем содержание русского рабочего...» [2, с. 106].

Признавая важность труда китайцев на восточных окраинах империи, российское правительство и общественность в то же время испытывали растущие опасения, как бы в результате «наплыва» азиатских мигрантов — китайцев, корейцев и японцев — не утратить власть над отдаленными от центра территориями Дальнего Востока и Забайкалья. Главная сущность «желтой опасности» в конце концов, заключалась именно в проблеме масштабной экспансии азиатских мигрантов, среди которых количественно доминировали выходцы из Китая. Эта неконтролируемая масса в потенциале могла вскоре вытеснить немногочисленное русское население и подвергнуть ассимиляции коренные народности восточных окраин. Серьезным противодействием такой перспективе могла стать такая мера как плотное заселение свободных территорий русскими крестьянами. Однако темпы этого переселенческого движения ввиду целого ряда социально-экономических обстоятельств были крайне медленными. Поэтому основной мерой противодействия к наплыву китайских и корейских мигрантов должны были стать административные правила по ужесточению режима пребывания азиатских мигрантов на территориях Дальнего Востока и Забайкалья.

Следует отметить, что российские власти столкнулись с огромными трудностями в процессе выработки административных мер по регулированию пребывания китайских и корейских мигрантов. Более того, многие из них не удалось реализовать на практике, так как они не получили одобрения Государственной Думы и так и не стали полноценными законами. На этих проблемах следует остановить особое внимание.

После окончания русско-японской войны приток китайских подданных на территорию Российской империи заметно увеличился. Новый приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер (1906–1910 гг.) считал китайских мигрантов большим злом для края и выступал за жесткие ограничения их притока на российский Дальний Восток. При этом корейцев он рассматривал как еще более опасный элемент для российской колонизации [7, с. 71]. Именно П.Ф. Унтербергер выступил инициатором принятия решительных мер по сдерживанию наплыва китайцев на российские земли стал В 1908 г. на основании его предложений министерством внутренних дел были выработаны проекты правил, регулирующих допуск на российский Дальний Восток китайцев и корейцев [2, с. 109]. Во время обсуждения этих проектов на особом межведомственном совещании, образованном при МВД, а затем и на заседании Совета Министров было признано целесообразным распространить действие правил проекта также и на Забайкальскую область. Хотя эта область уже не входила в Приамурское генерал-губернаторство, численность находившихся здесь китайцев составляла значительные показатели [3].

В октябре 1908 г. проект правил был внесен на рассмотрение в Государственную Думу. Согласно положениям этого проекта, для не-

легальных иммигрантов (не взявших билеты) и для работодателей, пользовавшихся их трудом, должны были устанавливаться штрафы. Предусматривалось также создание административных органов со штатом чиновников, полицейских и врачей для надзора за иммигрантами. Финансирование этих органов должно было производиться из особого фонда, образованного из сборов за билеты и штрафных сумм [2, с. 109].

Однако Государственная Дума признала проект неудовлетворительным, прежде всего в части обоснования расходов на штатный состав новых административных органов и высказало пожелание принять не частные правила, касающиеся только корейцев и китайцев, а общий иммиграционный закон, который бы распространялся на все иммигрантов в России, независимо от их национальностей. Тем не менее, Государственная Дума все же предприняла некоторые шаги в иммиграционном вопросе, приняв уже упоминавшийся закон от 21 июня 1910 г. Согласно этому закону, полностью запрещался найм китайских рабочих на казенные предприятия Приамурья и Забайкальской области. Однако и эта мера не стала существенным заслоном для притока китайских мигрантов — они продолжали наниматься на частные прииски и на Забайкальскую железную дорогу.

Наконец, в 1912 г. министерство внутренних дел разработало новый проект закона «Об условиях вселения в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую области Иркутского генерал-губернаторства иностранных подданных и проживания их в пределах означенных областей» [2, с. 110].

Согласно проекту закона, допуск иностранных подданных в Приамурскую и Забайкальскую области разрешался лишь через определенные пункты сухопутной и морской границах при предъявлении визированных русским консулом национальных паспортов. Иностранцам должны были выдаваться особые русские билеты сроком на 1 год с взысканием 10 р. за билет; при продлении их уплачивалась та же сумма. Не разрешалось прибытие в Россию лиц, неспособных добывать себе пропитания личным трудом, судившихся за уголовные преступления, а также рабочих без соответствующей санкции генерал-губернатора. Контроль за пропуском иностранцев (опрос, проверка наличия национальных паспортов, выдача русских билетов, взимание установленных денежных сборов) возлагался на таможенные учреждения и портовые управления в пропускных пунктах, а при отсутствии последних — на полицейские управления. От выборки русских билетов и уплаты сбора освобождались иностранные подданные, прибывшие для дальнейшего безостановочного следования через Российскую империю за границу [2, с. 110].

По поводу этого проекта между министерствами внутренних дел и иностранных дел развернулась довольно острая дискуссия, отразившаяся в интенсивной межведомственной переписке, которая велась в 1912–1913 гг.

Проект вызвал довольно резкие возражения со стороны МИД, хотя оно и относилось «с полным сочувствием» к мысли посредством подобного рода правил бороться с наплывом китайцев и корейцев на российский Дальний Восток [2, с. 111]. Обсуждение этого проекта затянулось на продолжительный период. В конце концов, в связи с началом мировой войны вопрос об ограничении китайской и корейской миграции вообще утратил свою остроту — вызванный мобилизацией отток местных рабочих грозил всем промышленным отраслям Сибири и Дальнего Востока полной стагнацией. О «желтой опасности» было тут же забыто.

Вместе с тем, на региональном уровне областные и губернские власти все же продолжали стремиться упорядочить режим пребывания китайских мигрантов. Предпринимались дальнейшие попытки для совершенствования паспортной системы для китайских подданных. Постепенно расширялся аппарат чиновников, осуществлявших выдачу русских билетов. Для выявления проблем, связанных с режимом пребывания китайцев, региональное руководство производило запросы по волостным и уездным правлениям. Выяснилось, что на местах не хватает квалифицированных канцелярских работников, расходных материалов, необходимых для оформления билетов — сургуча, клея, бумаги, чернил. Повсеместно отсутствовали фотографии, а в связи с ростом китайской преступности возникла потребность в обязательном фотографировании китайских переселенцев. Деньги, полученные за выдачу русских билетов, не обеспечивали всех потребностей паспортной системы для китайцев. Проблема по существу так и оставалась открытой.

Еще одним важным вопросом, который не могла проигнорировать российская администрация, была деятельность китайских обществ, получивших большое распространение в Хабаровске, Владивостоке и других населенных пунктах Дальнего Востока. Вообще, после присоединения Приамурья и Приморья к России одной из самых сложных и трудноразрешимых проблем было управление китайскими подданными на этих территориях. Русская администрация первоначально не вмешивалась в отношения между китайцами, предоставляя их старшинам творить суд и расправу согласно китайским законам и обычаям. В 1891 г. первым приамурским генерал-губернатором были изданы особые правила об общественном управлении китайского населения, по которому подданным Поднебесной было даровано общественное самоуправление и суд с правами, соответствующими законным полномочиям сельского и волостного управления русских крестьян. Китайским управлениям вменялось в обязанность знакомить своих соотечественников с русскими законами, оказывать им помощь, преследовать хунхузов. Управления эти, однако, просуществовали недолго и были закрыты в 1897 г. по распоряжению С.М. Духовского. В последующее за закрытием управления десятилетие китайские общества продолжали существо-

вать тайно, хотя неоднократно пытались легализовать свое положение. Позднее основу китайских обществ составляли китайские купцы и действовали они легально под названием «китайские общества взаимного вспомоществования», причем эти организации фактически взяли на себя функции общественного управления. Резко негативно отнесся к деятельности данных обществ приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, который, как известно, выступал жестким противником китайского присутствия в регионе [10].

Политику российских властей в отношении китайских мигрантов можно проследить и на таком отдельно взятом вопросе как переход в российское подданство. Первые случаи перехода китайцев в русское подданство зафиксированы с 1880-х гг. Важно отметить, что на протяжении всего рассматриваемого нами периода китайской миграции принятие российского подданства китайскими мигрантами, в отличие от корейских, не носило массового характера.

Несмотря на формирование негативного отношения к присутствию значительной массы китайцев в Российской империи, российское законодательство разрешало их переход в русское подданство, а закон от 17 мая 1888 г. предоставлял право приамурскому генерал-губернатору сроком на 10 лет принимать китайцев и корейцев в русское подданство в пределах полномочий министра внутренних дел, что значительно сокращало канцелярскую волокиту [6, с. 116].

Для пожалования русского подданства существовали и определенные требования. В связи с этим в 1898 г. Приамурский генерал-губернатор Гродеков писал министру иностранных дел: «Ходатайствам сих иностранцев (китайцев) давалось соответствующее направление лишь при условии принятия ими православной веры, вступлении в законный брак с русскими и вообще при полном убеждении в их способности воспринять начала русской гражданственности и слиться с русским населением края [6, с. 116].

О добровольном переходе в российское подданство обычно ходатайствовали те китайцы, которые долго жили в пределах Российской империи, женившиеся на русских женщинах и принявшие крещение. Так, в 1906 г. в Верхнеудинске принял российское подданство китаец Ли Куй, взявший фамилию Семяников. Этот китаец проживал в Малокуналейской волости Верхнеудинского уезда, был женат на русской и имел 6 детей [4, л. 1]. Само постоянное подданство Российской империи жаловалось лично государем императором, а присяга на верность подданству приводилась в полицейских управлениях.

Однако даже перешедшие в русское подданство китайцы не рассматривались российскими властями в качестве «стопроцентно» благонадежных элементов. В подтверждение этого приведем несколько архивных свидетельств.

В 1899 г. в Забайкальскую казенную палату при отношении Верхнеудинского податного инспектора поступил протокол о нарушении крещеным китайцем Николаем Корытовым положения о государственном промышленном налоге [5, л. 1]. Этот китаец содержал в селении Окино-Ключевском Верхнеудинского уезда торговое заведение с мануфактурными и табачными китайскими изделиями. По российскому законодательству он обязан был оформить на лавку годовое промысловое свидетельство торгового предприятия II разряда 4 класса, однако в ходе инспектирования было установлено, что этого документа у крещеного китайца не имелось. Кроме того, необходимых свидетельств на производство торговли не имелось и у приказчика этой лавки китайца Во-си-фу. Постановлением Забайкальской казенной палаты правонарушителям было предписано уплатить штрафы и обязательно оформить торговые свидетельства [5, л. 1].

Приведенный факт, конечно, относится к числу мелких правонарушений, которые были обычны в среде китайского купечества, торговавшего в Российской империи. Впрочем, в совокупности все эти действия приносили большой ущерб российской казне. Однако местных чиновников более тревожило то, что крещеные китайцы лишь формально становились адептами православной традиции и сохраняли свою национальную идентичность. Более того, они использовали свое положение и фактически становились проводниками интересов китайского правительства, которое пыталось укрепить свое влияние в приграничных регионах.

Следует отметить, что были в истории китайской миграции и такие представители китайской нации, которые, перейдя в российское подданство, впоследствии стали по-настоящему видными, выдающимися людьми. В этой связи, прежде всего, следует отметить личность Н.И. Тифонтая, хабаровского купца I гильдии, который занимался торговлей мехами и хлебом. В 1893 г. он принял российское подданство и в последующие годы благодаря своей полезной для края деятельности неоднократно награждался различными орденами и медалями [1].

Российские власти всерьез опасались распространения инфекционных заболеваний, источниками которых мог стать контингент китайских мигрантов. По наблюдению и донесениям властей, китайцы повсеместно жили в антисанитарных условиях и отличались поразительной нечистоплотностью. Для предотвращения эпидемий власти предпринимали разнообразные профилактические меры — санитарный осмотр товаров, инспектирование китайских лавок, фельдшерский осмотр на предприятиях, где работали наемные китайцы. В дальневосточных регионах практиковалось создание отдельных китайских кварталов, чего, однако, не было зафиксировано в городах Забайкальской области [9]. Хотя массовых и масштабных эпидемий, вызванных присутствием китайцев в Российской империи зафиксировано не было, в отдельных районах

имели место вспышки такого опасного инфекционного заболевания как чума. Так, в 1910 г. на станции Даурия от чумы умер 31 чел., преимущественно китайцы [3, л. 50]

Таким образом, российские власти выражали свое отношение к китайским мигрантам сквозь призму существования определенных опасностей — демографической, экономической, эпидемиологической и т.д. В процессе регулирования правового положения китайских мигрантов определенную роль играл и субъективный фактор — то есть непосредственное отношение личности чиновников к китайским мигрантам. Для решения проблем китайской демографической экспансии, шпионажа, эпидемий нужен был не только постоянный надзор, но и более серьезные меры, причем предупредительного, профилактического характера. К сожалению, такие меры не были осмыслены, выработаны и предприняты российской администрацией. Складывается впечатление, что действенные меры по борьбе со всем разнообразным спектром проблем, связанных с присутствием китайских мигрантов на территории Российской империи и, что главное, реализация данных мер на практике так и остались в виде бесконечной, порой алогичной переписки между различными чиновниками, ведомствами и должностными лицами. И вместе с тем нельзя утверждать, что российские власти легкомысленно относились к проблемам китайского присутствия в империи, полностью игнорировали данную ситуацию. В этой связи официальную политику российских властей в отношении китайских мигрантов можно в целом охарактеризовать как противоречивую, сиюминутную, не нацеленную на восприятие всего контингента китайских мигрантов как потенциальных членов принимающего общества.

Список использованной литературы и источников

1. Алепко А. В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России / А. В. Алепко. — Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2001. — 368 с.
2. Волохова А. А. Китайская и корейская иммиграция на российском Дальнем Востоке / А. А. Волохова // Проблемы Дальнего Востока. — 1996. — № 6. — С. 105–114.
3. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 1(0). Оп.1.Д. 14970.
4. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 337. Оп.2. Д. 595.
5. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 382. Оп. 1. Д. 75.
6. Нестерова Е. И. Китайская иммиграция. Политика Российской империи и США / Е. И. Нестерова // Россия и АТР. — 2001. — № 6. — С. 111–118.
7. Позняк Т. З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.) / Т. З. Позняк. — Владивосток : Дальнаука, 2004. — 315 с.
8. Синиченко В. В. Русско-китайские отношения в 1860-1917 гг. и роль восточно-сибирской администрации в их развитии / В. В. Синиченко. — Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 1999. — 124 с.

9. Сорокина Т. Н. Китайские кварталы дальневосточных городов / Т. Н. Сорокина // Диаспоры. — 2001. — № 2-3. — С. 54–75.

10. Сорокина Т. Н. Отношение русской администрации к китайским обществам в Приморской области в начале XX в. / Т. Н. Сорокина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах : материалы III межд. науч. конф. — Благовещенск : АМГУ, 2003. — С. 156–162.

11. Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края / Т. Н. Сорокина. — Омск : ОмГУ, 1999. — 263 с.

Информация об авторе

Башкуева Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Отдел региональных экономических исследований, Бурятский научный центр СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8, e-mail: frombear@mail.ru.

Author

Bashkuyeva Elena Yurievna — PhD in Historical Sciences, Junior Researcher, Department of Regional Economic Studies, Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: frombear@mail.ru.

УДК 321.61

С.Н. БОРОДИН

ББК 66.033.11

ЗНАЧЕНИЕ ТАБЕЛИ О РАНГАХ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматривается значение «Табели о рангах» в формировании дворянского сословия — элиты Российской Империи, оформление дворянства как особого привилегированного служилого сословия. «Табель о рангах» рассматривается как законодательный акт, послуживший регламентации государственной службы и формированию бюрократического класса.

Ключевые слова: Табель о рангах, Петр I, дворянство, элита, служилое сословие, государственная служба.

S.N. BORODIN

THE IMPORTANCE OF THE TABLE OF RANKS IN THE FORMATION OF THE ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE

The article discusses the importance of the Table of Ranks in the formation of the nobility — the elite of the Russian Empire, the formulation of the nobility as a special privileged service class. Table of Ranks is regarded as a legislative act, which served as the regulation of the civil service and the formation of the bureaucratic class.

Keywords: Table of Ranks, Peter I, the nobility, the elite, the service class, the public service.